

ЛЯМАН БАГИРОВА

БЛАГОДАРНОСТЬ КАРАНТИНУ

ЭССЕ

*И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье.
К. Паустовский*

Перечитала еще раз эти давно любимые и памятные строки и задумалась. Что же такое затерянность как счастье? И может быть, именно сейчас, когда, вирус, накрывший планету, стал лишать людей человеческого облика, и они, измученные карантинном, стали злобно срывать на близких, затерянность во времени и есть счастье? Или хотя бы анестезия от тревоги каждого дня?

Когда широта этого мира стремительно ограничивается, поневоле начинаешь вглядываться вглубь. В то, что рядом, на расстоянии вытянутой руки, под ногами. И давно знакомое, и привычное обретает иной смысл, иные краски.

Ну, о чем, например, может поведать старый дом с круглыми окнами? О том, что у него выщербленные стены с разводами от известки? О том, что у него покосилась крыша и облупилась дверь? И даже маленькая ель, невесть как выросшая перед крыльцом – и то, кривая и жалкая? В иное время – пройдешь и не заметишь. А сейчас...

Жизнь на карантине становится медленной. Она осторожна словно кошачий шаг. Она мягко и неторопливо исследует каждый уголок своего пространства. И вдруг понимаешь, что оно еще полно тайн. И неизъяснимой задумчивой прелести, которую никогда не увидишь в стремительном беге.

Во всем доме круглые окна как в каютах корабля. Это удивительно и необычно. А когда над двором опускается туман, то сам дом тоже напоминает корабль – уставший, мирный, посапывающий дымоходной трубой.

Из окна с голубой занавеской доносятся приглушенные звуки. Кто-то играет на пианино. Это приятная неожиданность. Люди, умеющие музицировать, ныне редкость.

Играют робко, но с такой хрустальной чистотой, что замирает сердце. Прозрачный декабрьский воздух подхватывает эти легкие звуки и уносит в небо. «Застольная» из Травиаты. Видно, человек решил переложить известную мелодию на пианино и теперь представляет свой труд. Думаю, Джузеппе Верди не был бы против. С этой музыкой даже карантин становится праздничным.

Второе окно затянуто оранжевой занавеской. Наверно, это кухня. Из нее заманчиво тянет запахом ванильных булочек и свежесваренного чая. От этих ароматов сладко кружится голова. Даже дворовые вороны как по команде поворачивают головы и с тоской глядят на оранжевое окно. Компанию им составляют коты. Они не охотники ни до булок, ни до чая, но близость тепла и уюта зачарует кого угодно. Так и сидят под окном в ряд – четыре серые вороны и три разномастных кота – серый, белый и рыжий.

Воробыи волнуются. Они раскачиваются на ёлке и яростно пищат. Никак не поделят ближайшую к окну ветку. С нее хорошо видно все, что происходит на кухне. Мол, все увижу, а потом вам расскажу-прочирикаю! Черта с два! Каждому охота быть первым обозревателем-комментатором. Да и просто быть первым.

Третье круглое окно за пестрой занавеской. Оно самое тихое и самое красивое. На бежевой занавеске узор из осенних листьев – лимонных, коричневых, зеленых. А с внешней стороны кто-то нарисовал на стекле снежинки. И оттого кажется, что в комнате этой встретились два времени года и озарили ее своими красками.

Четвертое окно – небольшое, и все увито «манной кашей». Так в народе называют неприхотливый цветок аптению. У нее крошечные листья и мелкие малиновые цветы. Прозвали ее так, потому что она буйно разрастается и закрывает собой весь горшок. Действительно, словно манная каша убежала из кастрюли. Листья у аптении мягкие, бархатистые, как детские ладошки. Она доверчиво протягивает их зиме и надеется, что та будет ласковой.

Пятое, последнее окно – хозяйственное. Оно самое маленькое и темное. Скорее всего, это окно кладовки. Перед ним – единственным из пяти – соорудили широкий наружный подоконник с решеткой. На подоконнике сушатся сливы. Их много. Зимний воздух звонкий, разреженный, плоды высыхают даже лучше, чем летом, и вкус у них тоньше. Окно такое низкое, что можно дотянуться и сквозь решетку незаметно стянуть одну или две сливы. Они уже сморщенные, хорошо подвяленные, но мякоть их еще хранит сочность. Такими они и должны быть – кисло-сладкими, чуть солоноватыми, оттого что их перед сушкой ошпаривают крутым соленым кипятком, чтобы не завелись черви. Вороны не охотятся за ними, видимо, пряный сливовый дух пернатым не по вкусу.

Я осторожно обхожу дом по кругу. Он очерчен. Пять круглых окон – пять органов чувств. Все как ладони. И милое серое небо над ними. Еще одно бескрайнее окно во Вселенную. Безмолвие декабрьского дня. Ни прохожих, ни машин. Время тихо дремлет на ветках сосен, облетевших акаций и вязов.

И ступаешь тише, чтобы не потревожить эту великую нежность, разлитую в воздухе. И ощущаешь затерянность как счастье, как умение видеть прекрасное в самых простых и незаметных вещах.